

ХРОНИКА ОДНОЙ СУДЬБЫ

Александр Александрович не позволил себе признать в подворотке женщину:

Все же я смею думать, что вам только пятнадцать лет...

Спустя годы, спустя 15 лет после смерти Блока, Елизавета Юрьевна напишет и опубликует воспоминания о нем — воспоминания о неприкаянной, одиокой своей любви. Но, таково уж тяготение времени, читая их полвека с лишним спустя, в наши дни, я чем дальше, тем больше отказываюсь от эпитетов. Любовь — безыдетна. Ни малая, ни великая. Ни страстная, ни тайная. Просто — Любовь. Или — нет Ее.

Вся жизнь Елизаветы Юрьевны утверждает: Любовь — есть. Есть и ненависть.

Есть мир и война.

Весной 14-го года во время бури на Азовском море погрузились на дно две песчаные косы с рыбацкими поселками. В это время, вспоминала Елизавета Юрьевна, на Черноморском побережье, где жила она, земля стонала. А летом было знамение солнца. От него осталось только пепельно-серебристое кольцо. Запылали небывалые зори не только на востоке и на западе — весь горизонт загорался зарею. Выступили на пепельно-зеленом дневном небе бледные звезды. Коровы мычали, собаки лаяли...

Летом 41-го года (14 наоборот) на улочках нашего залинейного района родной моей Ново-Белицы (Гомельская область) дружно вдруг взвыли все наши шарки да бобики. Выли ночью, днем. Появились домовые.

В конце зимы перед весной 85-го года знакомый мне туркмен сообщил из Каракумов: как никогда ревут верблюды, ослы. «Глухие» предупреждали «умных».

Все войны кончаются.

Первая мировая закончилась рождением первой на земле страны социализма. Вторая — родила целый лагерь социалистических стран. Третья мировая война, или перестройка, развалила и лагерь, и нас. И все это в пределах менее чем одного столетия.

А предо мной между тем простирались века, десятилетия. Я стоял на самом краешке побережья, которое стонало, в городе, в котором жила Елизавета Юрьевна. Стоял над городом, о существовании которого она могла лишь догадываться, — над Горгиппией стоял, прародительницей Анапы, основанной полтысячи лет до нашей эры, разрушенной уже в эру нашу — в 400-х годах — и каменными остатками вновь явившей себя миру, раскопанной археологами в последние десятилетия.

Античный мир, мир эллинов: древние каменные фундаменты, плиты древней мостовой... Дом Елизаветы Юрьевны был неподалеку. От него не осталось ни камешка. На месте этого дома 21 декабря прошлого года был открыт памятный знак в честь 100-летия со дня ее рождения — гранитный валун с крестом на отшлифованном своем боку. Собралось в тот день на месте этом сотни две анапчан да десятка два гостей, приглашенных на торжество из Москвы да Краснодара, других городов. Несколько ораторов

сказали, кто как мог, свои речи. Несколько бабушек подчас дружно, а подчас и не очень исполнили несколько богославящих песнопений. Батюшка местного собора махал кадиллом, брызгал по сторонам венчиком, смоченным в ведерке с холодной водой.

О, господи, думалось мне в те минуты, пройдет и этот день, еще один век, тысячелетия. Промчатся, чередуясь, новые войны, и, повторяя судьбу себе подобных, разрушена будет Анапа, под землю опять уйдет Горгиппия. И будущие археологи, вполне возможно, трехглазые и пятирукие, докопаются вот до этого памятного валуна. И долго будут ходить вокруг, не зная его смысла, не имея ключа к его тайне. И сдвинут, повернут его на бок, дабы посмотреть, что под ним, на что он был возложен. И обнаружат, что под ним ничего нет.

Между тем, продолжал я думать, под ним, таким махоньким, вся земля наша, его родившая и нас с вами.

Земля и мать — одного рода. Елизавета Юрьевна родила трех детей — дочерей Гаяну и Настю, сына Юрия. Трижды мама для своих детей, трижды Мама Лиза. После смерти Настеньки она (будучи в эмиграции) постриглась в монахини, стала Матерью Марией. Матерью — для всех.

Личность Матери Марии не менее таинственна, чем лик Моны Лизы. Она прожила как бы несколько жизней, но, сколько бы их она ни прожила, все они принадлежат ей одной. Памятный камень в Анапе положен Елизавете Юрьевне в очень примечательном месте, как бы в фокусе сходящихся-расходящихся линий. Отсюда, от камня, начиналась когда-то Пиленковская улица, получившая имя от проживавших на ней анапских богачей, отцов города. Отец Елизаветы Юрьевны — юрист и агроном Юрий Дмитриевич Пиленко — был городским головой Анапы, и сама она была здесь же городским головой. И сюда же, к валуну, как бы спускается сходящаяся улица Ленина. С приходом в Анапу Советской власти Елизавета Юрьевна отдала свой дом под ревком, стала комиссаром, активно участвовала в «экспроприации» экспроприаторов.

С приходом в город денкинцев Елизавета Юрьевна взята была как большевичка под стражу и предана военно-полевному суду, что означало тогда только одно — расстрел. Но приговорена была лишь к двухнедельному домашнему аресту.

Известная русская писательница Тэффи (Н. А. Лохвицкая) вспоминала, что она обратилась с просьбой к одесскому губернатору Гришину-Алмазову поручиться за известную русскую поэтессу Кузьмину-Караваеву, и тот послал суду соответствующую телеграмму. Поэт Максимилиан Волошин немедленно пошел за помощью к митрополиту. В газете «Одесский листок» было опубликовано открытое письмо Деникину за подписью той же Тэффи, М. Волошина, А. Толстого, В. Ивнера и других писателей, в котором говорилось: «Пришло известие, что в Екатеринодаре предана военно-полево-

му суду Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева — по обвинению в большевизме и ей грозит смертная казнь. Нельзя прочесть этого известия без тревоги. Кузьмина-Караваева — поэт, мыслитель, философ, первая из русских женщин окончила Духовную Академию и прочилась в ректоры предполагавшейся женской Духовной Академии. Ее книги — «Скифские черепки», «Руфь», «Юрали».

Старейшая московская писательница Елена Николаевна Миклулина после долгих лет настоячивых поисков и работы написала и издала документальную по-

тинг с целью убить Ленина, с подложным документом члена коммунистической партии».

Так что мемориальный валун в честь Матери Марии лежит вроде бы на своем месте — в фокусе двух анапских улиц, повторю, Пиленковской и Ленинской.

Но в честь ли? Мать Мария в дальнейшей своей жизни — после суда в Екатеринодаре — ни словом, как пока известно, не обмолвилась о своей связи с Фани Каплан. Да и не за связь с нею, если таковая действительно была, если не была она придумана, чтут память и дорожат честью Матери Ма-

что оно хорошо скрадывает недостатки стареющего тела.

Она была Любящей.

Из этих двух человеческих качеств рождается третье — Вера. Она была Верящей — Мать веры, любви и надежды.

Собирая где и как можно средства, Мать Мария, монахиня в миру, организовала в Париже известные теперь повсеместно общезнания для бедняков — на авеню де Сакс, 9, на рю Лурмель, 77. Основала приют Нуазиле-Гран. Сотни голодных русских эмигрантов, люди парижского дна — пьяницы, наркома-

умру и я взожду вновь...» — немецкие оккупационные власти начали массовые облавы и аресты евреев. Около 7 тысяч человек, в том числе более 4 тысяч евреев, было согнано на зимний велодром. Не было туалетов, не было врачей. Мать Мария решила облегчить страдания этих несчастных. В монашеском одеянии она проникает на велодром. Четверо суток она находилась в этом аду, буйвально не смыкая глаз, подерживая морально людей, оказывая помощь тем, кто в ней нуждался. И здесь Мать Мария совершила, казалось бы, невозможный поступок — договорилась с французскими рабочими-мусорщиками, которые вывозили со стадиона мусор, чтобы они в бочках с двойным дном вывезли двоих маленьких детей. Тем самым их спасли от смерти, все остальные были вскоре либо расстреляны, либо отправлены в концлагерь, где и погибли.

Приютный дом на рю Лурмель, 77 стал в оккупированном Париже опорным пунктом французского Сопротивления. Здесь евреи получали поддельные документы о христианском вероисповедании и тем спасались от облав и арестов. Здесь французы-подпольщики, советские военнопленные находили пищу и кров, связь с товарищами.

Христос завещал: не солги. Она фабриковала ложные справки.

Христос завещал: не убий.

Она вовлекла сына Юрия Скобцова в подпольную борьбу и тем привела его к плахе. Сына гестаповцы арестовали вместе с русским священником Дмитрием Клепининым, тоже подпольщиком, членом «Лурмельского комитета». Мать Мария была в тот час за городом. Вернувшись домой, узнала, что, если сама явится в гестапо, Юрий отпустят.

Она пришла в гестапо — сына не отпустили. Он погиб в концлагере Дора, филиале Бухенвальда, в 1944 году в возрасте 23 лет.

Жизнь и подвиг Дмитрия Клепинина требуют особого рассказа...

Елизавету Юрьевну после короткого заключения в форте Роменвилль в вагонах для скота вместе с другими узниками отправили в женский концлагерь Равенсбрюк. Под номером 19263 она провела здесь последние два года.

Под этим номером ввели ее и в газовую камеру, затем сожгли...

Однако номер определенно мог быть и другим. Среди узников фашистских лагерей ходила легенда о некоей русской женщине, которая из сострадания к больной подруге по нарам, обреченной фашистами к удушению газом, обменялась с нею номерами и вместо нее приняла смерть. Е. Н. Миклулина убеждена, что легенда эта — о Елизавете Юрьевне, и ею, легендой, теперь уже персонафицированной, заканчивает свою повесть «Мать Мария».

В Анапе на юбилейных торжествах я встретился с приехавшей сюда из Астрахани Аидой Сергеевной Губаревской-Аллавердян — бывшей узницей Равенсбрюка. Она рассказывала:

— В Равенсбрюке я познакомилась с Матерью Марией. Но звали мы ее там иначе, на французский манер — мадам Мэрмари. В школе до войны я изучала французский, и Елизавета Юрьевна помогала мне в лагере развивать его...

«В июне 1942 года, — дословно цитирую тут один из абзацев книги В. Н. Грехно «Я вновь

то такое произносить по-французски. Остановились в удивлении и несколько прохожих.

— Это — стихотворение, — объяснила Аида Сергеевна. — Его написала и передала мне на долгую память в Равенсбрюке одна политзаключенная француженка из Люксембурга. Я пыталась перевести стихотворение на русский, но получалось плохо, некрасиво. Мать Мария была поэтом и перевела стихотворение, на мой взгляд, отлично.

Память у Аиды Сергеевны оказалась вечной. Приведу в заключение стихотворение безымянной француженки в переводе русской поэтессы Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой — под этим именем она вошла в отечественную нашу поэзию и никогда из нее не выйдет.

О, русские женщины, солдаты России, которые шли гордо и благородно перед врагом, Жертвовали своей молодостью и даже жизнью Для защиты земли своей дорогой страны! Я вас приветствую — Танных горячих, достойных и прекрасных, Потерянных в этом изгнании, Потому что вы принадлежите к тем, Которыми надо восхищаться. Вы были взяты в плен, унижены и залепты. Ваши прекрасные формы были сорваны с вас. И что было всего постыднее, Они посмели срезать ваши прекрасные волосы. И в ужасном лагере, оскорбленные, Подвергаемые плохому обращению, Страдающие от голода и холода, И от каторжных работ, Вы так себя держите, что я просто аинуждена Вами восхищаться. Среди вас Валентина, она была врачом в России, Намешливая Нина, прекрасная Тамара, Мария, Аида, Ольга, — с черными дикими глазами, — И Софья, которая улыбается только своим маленьким ртом.

Да, я должна восхищаться всеми вами, И придет день — я вижу, что он уже близок, Когда вы вернетесь в свои степи, в ваши города, В уют своей страны и вам скажут: О, женщины России! Благодарим вас за то, что вы Пережили страдания в заключении, где сами палачи Должны были восхищаться вами.

Это стихотворение было написано 8 марта 1944 года. Мать Мария мученически погибла 31 марта 1945 года. Спустя год закончилась война. Мать Мария потеряла в лагере все зубы.

Все зубы потеряла и ее молодая подруга Аида Сергеевна. Мать Мария сильно удивлялась тому, что стихи Александра Блока изучают в советской школе, и без конца просила Аиду Сергеевну почитать их вслух ей. Ей было удивительно, что ее Блока знают другие, любят еще кто-то.

И каждый вечер, в час назначенный (Иль это только снится мне?) Девичий стан, шелками схваченный, В туманном движется окне...

Полон крови рот чтицы Поэта... Полон крови рот слушательницы...

Станислав ПАСТУХОВ. (Спец. корр. «Правды»). Анапа — Москва.

О, женщины России!

Лик таинственной Моны Лизы был, как утверждают некоторые, сфотографирован из нескольких лиц. Вернее, из одного лица, но с разными выражениями на нем, и лицо это принадлежало одному человеку — самому Леонардо.

Елизавета Юрьевна, о которой здесь пишу, имела три фамилии, два имени и одну жизнь, в конце которой потеряла все, приобретя лишь порядковый номер... В девичестве по отцу, потомственному дворянину, — Пиленко, она по первому мужу, потомку боярского рода, стала Кузьминой-Караваевой, по второму — Скобцовой, отказавшись по очереди от того и другого. Сквозь всю жизнь она пронесла единственную любовь — к Александру Блоку, которого полюбила, будучи еще гимназисткой, только глянув на поэта, только услышав звук его голоса. Сама стала писать стихи.

весть «Мать Мария», положив таким образом основу советской мадамариистике. За рубежом Елизавету Юрьевну давно чтят, есть общество друзей Матери Марии. Елена Николаевна убеждена:

— Лизу от расстрела спас влиятельный денкинский офицер Данила Ермолаевич Скобцов, которого она прежде знала и которому затем вверила свою руку...

Есть и еще одна версия спасения, но отрицающая приведенных, но дополняющая их, развивающая. Заглянув в старые местные газеты («Утро Юга», «Приазовский край», март 1919 г.), местные исследователи отечественной нашей истории обнаружили вдруг в репортерской судебной хронике, что Елизавета Юрьевна была не только большевистским комиссаром. Была она правой эсеркой, заведовала паспортным бюро в ЦК эсеров... В сегодняшней газете — «Советское Черноморье», Анапа, 14. 12. 91 — утверждается: «Прозвучали и совершенно убедительные для суда слова о связи Е. Ю. Кузьминой-Караваевой с теми, кто в ту пору организовывал террористические акты. Так, на вопрос защиты о знакомстве с Каплан Елизавета Юрьевна ответила утвердительно, «... добавив, что Каплан проникла на ми-

рии в Париже, Иерусалиме, в анапском селе Юровка, где провела свое детство Елизавета Юрьевна и где усилиями Николая и Владимира Грехно — отца и сына, директора совхоза и школьного учителя истории, стараниями всех здешних крестьян создан музей «Мать Мария» — пока единственный в России. Владимир Николаевич к 100-летию со дня рождения Матери Марии напечатал в Одессе небольшое (примерно по странице на каждый из столетия год), но емкое историко-биографическое издание «Я вновь умру и я воскрепну вновь...»

Из «Руфи», 1916 год:

Я силу много раз еще истрачу, Я вновь умру и я воскрепну вновь, Переживу потерю, неудачу, Рожденье, смерть, любовь...

Она провидела всю предстоящую ей дорогу. Подавшись за мужем Скобцовым в эмиграцию и пройдя все ее дантовые круги, Елизавета Юрьевна, повторюсь, постриглась в монахини, стала дочерью Христовой.

Еще одна загадка: была ли она верующей? Известно ведь, что монастырского уединения Мать Мария не смогла вытерпеть, ушла, не выдержав и месяца. Но от монашеского одеяния не отказалась, объясняя шутя,

ны, проститутки — нашли себе здесь крышу, кусок хлеба. Она была Матерью для людей, которых отвергло общество, отвергло человечество, от которых отвернулся сам их Создатель. Впрочем, в богословии я не силен, может, именно в образе Лизочки Пиленко, как когда-то звали ее в старой Анапе, послал Он им свою благодать — Веру, Надежду, Любовь.

Не знаю, как вели себя парижские собаки перед фашистской оккупацией. Но знаю, что фашисты везде одинаковы — в Париже ли, в моем родном городишке. Я помню, как осенью сорок первого по нашей залинейной поессейке грузовиками увозили куда-то новобелицких евреев. Мама сказала: «Это цветочки, ягодки будут впереди». Мама не ошиблась: «ягодками» стали затем мы — русские, белорусы, украинцы.

Совсем недавно, кстати, узнаю вдруг от своих школьных учителей Терентия Прокопьевича Кожемякина и его жены Риммы Абрамовны, что в Ново-Белице на виду у всех всю немецкую оккупацию прожило шестеро евреев. Только одному из них под конец пришлось спрятаться: супруга из ревности пригрозила выдать...

«В июне 1942 года, — дословно цитирую тут один из абзацев книги В. Н. Грехно «Я вновь